

- ¹⁰ Толмачева Р.П. Повышение материального уровня колхозного Урала в 1946–1958 гг. // Материальное благосостояние тружеников Уральской советской деревни. (1917–1985 гг.). Сб. науч. трудов. Свердловск, 1988; Мотревич В.П. Личное подсобное хозяйство колхозников Среднего Урала в 1946–1958 гг. (по материалам бюджетных обследований) // Материальное благосостояние тружеников Уральской советской деревни...
- ¹¹ Толмачева Р.П. Указ.соч. С. 80.
- ¹² Мотревич В.П. Указ.соч. С. 99–101.
- ¹³ Павлов Н.П. Повышение оплаты труда колхозников Удмуртской АССР в 70-е — начале 80-х годов // Материальное благосостояние тружеников Уральской советской деревни. ...; Важенни С.Г., Важенни И.С. Рост уровня жизни тружеников уральского села в 1971–1985 гг. // Материальное благосостояние тружеников Уральской советской деревни...
- ¹⁴ Павлов Н.П. Указ.соч. С. 120.
- ¹⁵ Важенни С. Г., Важенни И.С. Указ.соч. С. 129.
- ¹⁶ Павлов Н.П. Указ.соч. С. 125.
- ¹⁷ Важенни С.Г., Важенни И.С. Указ.соч. С. 130.
- ¹⁸ Личное подсобное хозяйство в условиях агропромышленной интеграции // Под ред. В.Б. Островского. М., 1988.
- ¹⁹ Ефременков Н.В., Толмачева Р.П. Состояние и задачи изучения истории рабочего класса Урала (на этапе развитого социализма) // Урал и проблемы региональной историографии. Советский период. Свердловск, 1986.
- ²⁰ Мотревич В.П., Толмачева Р.П., Третьяков В.В. Проблемы материального благосостояния сельских тружеников Урала в новейшей литературе // Материальное благосостояние тружеников Уральской советской деревни...
²¹ Гвоздиков Л.И., Лыкова Л.А. Состояние и задачи изучения истории рабочего класса Урала (на этапе развитого социализма) // Урал и проблемы региональной историографии...
²² Денисевич М.Н., Лыкова Л.А., Суворов В.Ю. Исследования уровня жизни рабочего класса Урала в условиях развитого социализма (историография проблемы) // Урал и проблемы региональной историографии...
²³ Там же; Лыкова Л.А. Статистические материалы как источник исследования проблем благосостояния и культурного уровня рабочего класса Урала в период совершенствования социализма // Рабочий класс Урала в период совершенствования социализма...
²⁴ Мотревич В.П. Развитие сельского хозяйства Урала в первые послевоенные годы (1946–1950). Свердловск, 1989. С. 4.
²⁵ Он же. Личное подсобное хозяйство колхозников Среднего Урала в 1946–1958 гг. (по материалам бюджетных обследований) // Материальное благосостояние тружеников Уральской советской деревни. С. 98–101.
²⁶ Он же. Развитие сельского хозяйства Урала в первые послевоенные годы... С. 17.

*Д.В. Гаврилов
(Екатеринбург)*

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА УРАЛЬСКИХ РАБОЧИХ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX вв.

Исследование социального состава рабочих имеет важное значение для определения их социально-экономического и политического облика, степени организованности, социальной и политической активности, восприимчивости к оппозиционным и революционным идеям. Социальный состав рабочего класса является важнейшим показателем его социальной силы. Причем нельзя не учитывать, что социальная структура рабочего класса, в силу постоянной трансформации производительных сил и производственных отношений в обществе, находится в непрерывном развитии и изменении.

Механизмом самого модернизационного процесса рабочий класс обучается, объединяется и организуется или, наоборот, расплывается, его отдельные отряды переходят в иные социальные группы. Тем не менее, поскольку наемные рабочие — непосредственные производители, существующие за счет продажи своей рабочей силы — являются неотъемлемой составной частью современного индустриального, капиталистического, или как принято сейчас говорить, выражаясь более деликатно, рыночного общества, независимо от того, нравится это кому-либо или не нравится, являются классом капиталистического общества.

В конце XIX — начале XX вв. в России, в том числе и на индустриальном Урале, происходил быстрый рост численности пролетариата, росла концентрация рабочих на крупных предприятиях, шло ускоренное освобождение рабочих от связи с землей, увеличивались грамотность, сознательность и социальная активность рабочих. Промышленные рабочие Урала конца XIX — начала XX вв. уже не походили на крепостных мастеровых и непременных работников дореформенного времени. Не следует смешивать их и с рабочим классом советско-

го периода, жившим в совершенно иной социально-экономической формации, при совершенно других производственных отношениях, в другой социальной сфере.

Советская историография, всегда уделявшая много внимания изучению истории рабочего класса, много сделала для выяснения социального состава рабочих Урала. Среди наиболее значительных работ, посвященных этой проблеме, следует назвать работы Ф.С. Горового, И.С. Капцуговича, М.И. Черныша, В.Я. Кривоногова, Ф.П. Быстрых, В.Е. Четина, Л.С. Юдиной, Л.И. Фурорянского и др. В работах этих авторов, с разных сторон и с различной степенью глубины и обстоятельности, выяснялись вопросы состава уральских рабочих по возрасту и полу, семейному положению, национальности, квалификации и производственному стажу, грамотности, связи с землей и т.п., определялись по объективным признакам различные слои рабочего класса.

Исследование проблемы сопровождалось оживленными дискуссиями, особенно по вопросу о связи различных групп рабочих с землей, весьма актуальному для Урала рассматриваемого периода. Достаточно вспомнить дискуссию, происходившую по этому вопросу между двумя видными уральскими историками, докторами исторических наук — Ф.С. Горовым и Ф.П. Быстрых, приведшую к сглаживанию и смягчению их ранее диаметрально противоположных точек зрения. Советские исследователи не употребляли или употребляли очень редко термин «стратификация» (от латинского слова *stratum* — слой) из-за его использования зарубежной историографией для оправдания неравенства людей и обоснования деления общества на «высшие», «средние» и «низшие» слои (страты).

Итогом, подводившим черту под исследованиями 1950-х — первой половины 1980-х гг., обобщившим, систематизировавшим, дополнившим и завершившим их, явилась монография «Рабочие Урала в период монополистического капитализма, 1861–1900 (Численность, состав, положение)», изданная в 1985 г., на рубеже советского и постсоветского периода, которую новейший исследователь проблемы М.А. Фельдман характеризует следующим образом: «Результаты демографических исследований, наряду с анализом материалов переписи 1897 г., широким кругом источников — стали основой для выполнения Д.В. Гавриловым фундаментального труда по истории рабочих Урала в 1861–1900 гг., имеющего важное методологическое значение для исследователей рабочей тематики»¹.

Сам М.А. Фельдман, используя «новейшие методологии», считал, что его предшественники не обратились «к градации рабочих края по ведомственному признаку»², что он считает серьезным пороком. Поэтому М.А. Фельдман решил дать свою, новую классификацию состава уральских рабочих, дать их новую «социальную стратификацию», уже руководствуясь другими критериями, полагая, что именно «ведомственная принадлежность... стала одним из ведущих факторов, определивших дифференциацию внутри рабочего социума Урала»³.

В соответствии с этим постулатом М.А. Фельдман выделил среди рабочих Урала для 1914 г. три группы. В первую группу — *рабочих индустриального общества*, — он зачислил всех рабочих основных производств казенных горнозаводских округов, числом в 49 811 чел., из которых 36 тыс. чел. — рабочих основных, транспортных и энергетических цехов — отнес «к социальному слою рабочих, мало отличавшихся от пролетариев основных промышленных центров».

Во вторую группу — *«рабочих переходного этапа от мануфактурной к фабрично-заводской эпохе»* — он отнес заводских рабочих частных и посессионных горнозаводских округов в числе около 110 тыс. и 48,3 тыс. рабочих фабрично-заводской промышленности. Общими структурообразующими признаками этой группы, по его мнению, являлись: «низкий уровень механизации производственных процессов, и, как следствие, преобладание тяжелого ручного труда, фрагментарный характер социальной защиты».

Третьей группой — «рабочих мануфактурной эпохи» — по его классификации являлись «рабочие горнодобывающей промышленности» численностью в 98 267 чел. Признаками этой группы называются: маломеханизированность рудного хозяйства, примитивные орудия труда в угольной промышленности — «обушю», кайло и лопата, сезонность работ.

Потрясающе и совершенно неожиданно радикальный, не вытекающий из его «стратификации», вывод, к которому пришел исследователь: «Наличие столь различных социальных групп, — заключает М.А. Фельдман, — подводит к выводу о том, что понятие «рабочий класс Урала» применительно к 1914 г. следует рассматривать как статистическую, но не как реальную социальную общность»⁴.

В основу своей классификации М.А. Фельдман положил «этакратический тип стратификации». «Специфика системы этакратического типа, — пишет М.А. Фельдман, — заключается в том, что каркас стратификационной структуры образует сама государственная власть... В этом корневое сходство сословного деления дореволюционного социума и иерархии послереволюционного общества... Поддерживая подобный вывод, — заявляет М.А. Фельдман, — заметим, что он служит и методологической основой для изучения истории рабочих промышленности Урала вне деления на досоветский и советский период»⁵.

Однако социальная структура рабочего класса досоветского и советского периодов принципиально отличались друг от друга и по роли государственной власти в их формировании, и по своей сущности.

Основным недостатком предложенной М.А. Фельдманом классификации социального состава уральских рабочих конца XIX-начала XX вв. является подразделение рабочих на слои исключительно по юридическим и бытовым признакам, отсутствие в ней связи с экономическим базисом. Машинная техника и промышленные технологии требовали для себя рабочих определенной квалификации, с соответствующими техническими знаниями и достаточным культурным уровнем, поэтому именно технический и технологический уровень производства, производственная квалификация, технические знания и навыки, общая культура рабочего являлись определяющими для утверждения его в системе капиталистического производства, занятия им своего места в капиталистическом обществе.

Предложенная М.А. Фельдманом классификация не выдерживает критики, она просто ненаучна. Классифицировать, объединять в группы можно только однородные, сопоставимые друг с другом предметы. Это обязательное требование любой научной работы проигнорировано М.А. Фельдманом, который, руководствуясь выдвинутым им самим положением о решающей роли «градация рабочих по ведомственному принципу», объединил в названные им группы рабочих разных заводов, занятых на совершенно разных по техническому оснащению производствах, живших в совершенно разных социально-экономических условиях и имевших разный социальный облик.

Его классификация оторвана от реальной жизни. М.А. Фельдман безосновательно зачислил (по ведомственному принципу!) в первую группу «индустриальных рабочих-пролетариев (или мало отличающихся от пролетариев)» рабочих мелких, технически отсталых, захолустных казенных заводов, еще не оторвавшихся окончательно от земли. Вот образец такого завода, не единственного в этой группе. «Артинский завод, — писал в 1903 г. Е.И. Рагозин, — типичный пережиток старины. Десять кричных горнов, из которых пять контузской системы, а пять совершенно неизвестной, одна старая-престарая воздушная машина с вертикальными цилиндрами и десять молотов, вкривь и вкось медленно токающих от водяного колеса — вот все оборудование этого курьезного завода»⁶.

Рабочие завода были тесно связаны с землей. «В весеннее и летнее время, — писала в Артинском заводе в 1904 г. «Торгово-промышленная газета», — местное население занимается сельским хозяйством, как-то: посевом хлеба и других злаков... Весной..., когда начина-

ются полевые работы, и летом рабочие не только неохотно работают на заводе, но даже совсем отказываются от работы, потому-то и приходится здесь отпускать рабочих на страду почти что на три месяца»⁷.

Как видно из вышеприведенной характеристики, рабочих Артинского завода того времени в их общей массе невозможно безоговорочно признать индустриальными «рабочими-пролетариями». Между тем, по классификации М.А. Фельдмана, все рабочие подобных казенных заводов отнесены к группе «индустриальных рабочих», подлинных, или почти подлинных пролетариев.

Нет оснований называть рабочих второй группы «рабочими переходного этапа от мануфактурной к фабрично-заводской эпохе», поскольку вся основная масса уральских металлургических заводов совершила такой переход еще в 40-60-х гг. XIX вв. и к 1914 г. на Урале металлургических «заводов-мануфактур» не осталось. Более того, ряд крупных частновладельческих и possessionsных заводов превратились в крупные, технически хорошо оснащенные предприятия, по своему техническому оборудованию превосходившие казенные заводы, причем их рабочие кадры во многих случаях состояли полностью или в большинстве своем из наемных рабочих-пролетариев, не имевших традиционных для Урала собственных домов, домашнего скота и участков земли.

Надеждинский металлургический завод, построенный в 1894–1896 гг. в Богословском частновладельческом округе на Северном Урале, в глухой тайге, был оснащен современным оборудованием, изготовленным фирмами Германии, Франции, Бельгии. Он сразу имел 4 большие доменные и 4 мартеновские печи, мощные воздуходувные машины, 4 аппарата Каупера, мощный обжимной стан и чистовой стан трио, выкатывавший сразу три рельса. На заводе не было водяных двигателей, все механизмы приводились в движение только паровыми и электрическими двигателями. Уже в 1900 г. завод произвел 2,5 млн пуд. чугуна, 3,1 млн пуд. стали, 2,8 млн пуд. проката и стал самым крупным металлургическим предприятием на Урале. Все рабочие завода были пришлыми пролетариями, не имели земельных наделов и собственного домашнего хозяйства. Завод никогда не был мануфактурой, на мануфактуру XVIII в. совершенно не походил, но М.А. Фельдман отнес его рабочих к группе «рабочих переходного этапа от мануфактуры к фабрично-заводской эпохе»⁸.

Чусовской частновладельческий железоделательный завод, построенный Камским акционерным обществом в 1883 г., в отличие от старых уральских заводов, не имел традиционного пруда — все механизмы приводились в действие исключительно паровыми машинами. В 90-е гг. в заводе были построены две большие доменные печи, три мартеновских печи, действовали шесть прокатных станков, введена прокатка рельс. Почти все рабочие были пришлыми, не имели земельных наделов и домашнего хозяйства. Завод никогда не был мануфактурой и не походил на нее, но по классификации М.А. Фельдмана его рабочие тоже попали в группу «рабочих переходного этапа от мануфактуры к фабрично-заводской эпохе»⁹.

В Лысьвенском металлургическом заводе графа П.П. Шувалова в 1898–1899 гг. был построен новый большой мартеновский цех. От традиционных построек уральских заводов он отличался уже тем, что представлял легкое арочное здание, сооруженное целиком из железа, стали и стекла. Все механизмы в цехе — ковши для разливки стали, краны-бегуны для снятия изложниц и выбрасывания слитков из литейной канавы, подъемники для подачи материалов к печам, — приводились в движение электромоторами. Мартеновский цех Лысьвенского завода был первым в России мартеновским цехом, полностью оборудованным одними электрическими двигателями. Большинство рабочих на заводе были пришлыми. На мануфактуру XVIII в. завод тоже не походил¹⁰.

Подобные примеры можно приводить и дальше. Вновь построенные на Урале в конце XIX в. металлургические заводы были оснащены современной по тому времени техникой, а

почти все крупные частновладельческие и посессионные заводы в 80–90-е гг. XIX в. и в начале XX в. основательно реконструированы на базе новой техники. 35 мелких нерентабельных металлургических заводов с устаревшей, изношенной техникой были закрыты. На Урале в начале XX в. уже не существовало «заводов-мануфактур» и выделение рабочих частновладельческих и посессионных заводов в группу «рабочих переходного этапа от мануфактуры к фабрично-заводской эпохе» является ненаучным, искусственно надуманным.

Также ненаучным, надуманным является выделение М.А. Фельдманом в третью группу — «рабочих мануфактурной эпохи» — рабочих горнодобывающей промышленности на том основании, что было мало механизировано рудное хозяйство, а орудиями труда в угольной промышленности служили «обушок», кайло и лопата. Но эти рабочие трудились на крупных предприятиях, организованных по-капиталистически, были наемными рабочими этих предприятий и относить их к рабочим эпохи несуществующих уже более полувека мануфактур нет никаких оснований.

Кроме того, нельзя не напомнить, что в начале XX в. на крупных железных рудниках (в 1914 г. на 6 из них было добыто 55,2 % всей уральской железной руды) были проложены рельсовые пути, руда отвозилась с них паровозами, на них были сооружены воздушно-канатные дороги, имелись механические наклонные подъемники с опрокидывающимися вагонетками, действовали паровые машины и локомобили, электрические двигатели, появились паровые экскаваторы, компрессоры и пневматическое бурение. Угольные шахты тоже механизировались и электрифицировались. Рабочие этих предприятий не походили на мануфактурных рабочих.

Применение ручного труда никак не может служить признаком принадлежности рабочих к мануфактурной стадии развития производства, господствовавшей в XVII–XVIII вв. В наши дни в США, во всемирно известной аэрокосмической фирме «Боинг», используются 120 тыс. рабочих, но из них только половина занята на основном производстве, а другая половина работает на дому и в мелких мастерских, изготавливая и собирая вручную отдельные детали. Следуя классификации М.А. Фельдмана и Т.К. Гусковой, всех их тоже надо считать рабочими мануфактурной эпохи. Человеческая рука является уникальнейшим инструментом и ручной труд, безусловно, сохранится и в постиндустриальную эпоху, будет существовать всегда, пока существует человечество.

Непонятно, почему рудничных рабочих казенных заводов М.А. Фельдман отнес к рабочим первой группы, а точно таких же рудничных рабочих частновладельческих и посессионных заводов — к рабочим второй группы.

На имевшиеся в работе М.А. Фельдмана «недостаточно проработанные аспекты и оппобочные положения», на ненаучность его классификации социального состава уральских рабочих конца XIX — начала XX вв. путем «градации рабочих края по ведомственному признаку», ему указывалось при защите им докторской диссертации, но автор настойчиво продолжает повторять эту «стратификацию» в своих трудах, дополняя ее новыми ненаучными «добавлениями».

В статье «Социальные трансформации и социокультурный уровень рабочих Урала в первые десятилетия XX века» (2004), написанной совместно с С.П. Постниковым, он выделил уже четыре социальные группы рабочих, добавив к ранее названным трем еще одну группу. В «массиве» рабочих, который прежде «историки традиционно относили к рабочему классу Урала» (как указывалось выше, сам М.А. Фельдман рассматривает понятие «рабочий класс» как статистическую, но не как реальную социальную общность), он выделил следующие четыре социальные группы: 1) Рабочие индустриальной эпохи; 2) Рабочие переходного этапа от мануфактурной к индустриальной эпохе; 3) Рабочие мануфактурной эпохи; 4) Рабочие домашней мануфактурной эпохи¹¹.

К рабочим добавочной четвертой группы — «рабочим домануфактурной эпохи» — М.А. Фельдман отнес вспомогательных сезонных рабочих, занятых преимущественно в лесозаготовительном производстве (примерно 130 тыс. чел., занятых на казенных, частновладельческих и посессионных заводах — «ведомственный признак» уже исчез), классификационными признаками которой он называет «преобладание артельного труда, ручного производства и подвоза, временность занятости». Производство домануфактурной эпохи — это уже ремесло средних веков и древнего мира. Стоило ли так далеко отодвигаться в глубь темных веков? Ведь эти сезонные рабочие как-никак работали, пусть даже «ручным производством и подвозом», на крупных капиталистических предприятиях, были наемными рабочими капиталистических предприятий, и заносить их в домануфактурную эпоху можно только имея богатую фантазию.

Предложенная М.А. Фельдманом классификация «градации рабочих края по ведомственному признаку», его «социальная стратификация» оторвана от реальной исторической действительности, является надуманной, созданной чисто умозрительным путем по второстепенному для рассматриваемого периода признаку. Она не вносит ясности в проблему социального состава уральских рабочих конца XIX — начала XX вв., а лишь затемняет ее, показывает ее в искаженном, иррациональном виде, поэтому не может считаться научной и не может быть принята в исторической науке.

Науку нужно двигать вперед, она должна развиваться, совершенствоваться и уточняться по мере накопления новых знаний и возникновения новых идей, но она не должна подлаживаться под конъюнктурные «этакратические» типы стратификации, должна строго придерживаться научных методов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–94 гг. Екатеринбург, 2001. С. 21.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 82.

⁴ Там же. С. 83–84.

⁵ Там же. С. 7–8.

⁶ Рагозин Е.И. Железо и уголь на Урале. СПб., 1903. С. 77–78.

⁷ Цит. по: Металлисты Урала накануне и в период 1905 года: Сб. материалов и документов. Свердловск, 1926. С. 33.

⁸ Ауэрбах А.А. О постройке в Богословском округе Надеждинского завода // Известия общества горных инженеров. СПб., 1897. № 4. С. 27–31; № 5. С. 40–43.

⁹ Спехов Н.И. Чусовой — город уральских металлургов. Пермь, 1958; Металл и люди: к 100-летию Чусовского металлургического завода. Пермь, 1979; Губайдуллин И.Н. Столетие Чусовского металлургического завода // Сталь. М., 1979. № 7.

¹⁰ Умов А.И., Вериго С.Ю. Постройка и эксплуатация мартеновской фабрики в Лысьвенском заводе графа Г.П. Шувалова. СПб., 1901. С. 23–39.

¹¹ Постников С.П., Фельдман М.А. Социальные трансформации и социальный уровень рабочих Урала в первые десятилетия XX века // Социальные трансформации в российской истории. Докл. Междунар. науч. конф., 2–3 июля 2004 г. Екатеринбург: М., 2004. С. 171–173.

*С.В. Голикова
(Екатеринбург)*

СКЛАДЫВАНИЕ МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ ДЕТСКОЙ СМЕРТНОСТИ НА УРАЛЕ В 80-х гг. XIX в.*

Аналитический инструментарий изучения детской смертности на Урале начал формироваться в пореформенные годы, в принципиально иной эвристической ситуации, поскольку к этому времени уже было известно (и странами Западной Европы доказано на практике), что детская смертность поддается снижению. В сложившейся обстановке прояснился (и обострился) вопрос о размахе колебаний показателей детской смертности. Этот демографический

* Работа выполнена по гранту РФФИ № 04–06–96059 «Смертность на Урале (XVIII — начало XX вв.)».